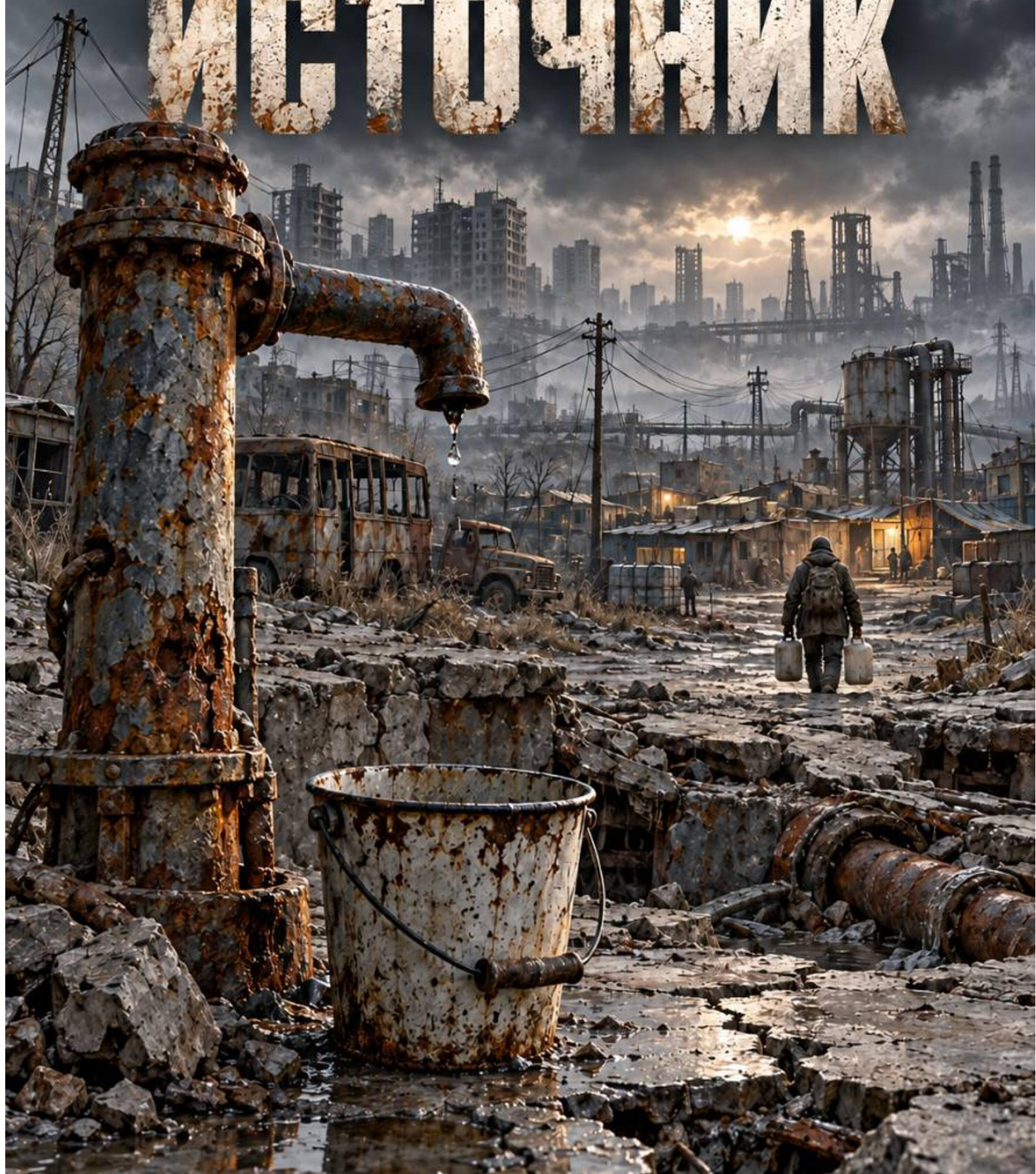

АЛЕКСЕЙ ВЕКШИН

НЕ ИЩИТЕ ИСТОЧНИК

Алексей Векшин

Не ищите источник

«Автор»

2026

Векшин А.

Не ищите источник / А. Векшин — «Автор», 2026

Девять месяцев после катастрофы воду в долине выдают по расписанию. Инженер Илья Ратников знает каждую трубу и каждый кран. Поэтому воды в пустом доме быть не должно: эту ветку он отключил сам. Старые схемы ведут к заброшенной фабрике. Свежие следы говорят, что там кто-то работает. Илье предстоит выяснить, кто подаёт воду в посёлок и почему скрывается. А до вечерней выдачи остаётся всё меньше времени.

© Векшин А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	23
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Алексей Векшин

Не ищите источник

Глава 1

Первым воду получил пустой дом.

Илья заметил струйку под воротами, когда до площади оставалось меньше ста метров. По канаве плыл сухой лист, цеплялся за камни и снова срывался; впереди уже гремели вёдра. На стене магазина висела доска с расписанием, и Нина Павловна стояла возле неё так, словно лично отвечала за наступление шести сорока.

Дом принадлежал Беловым. Младшие уехали ещё зимой, старшего в апреле перевезли к дочери в Каменку. Илья закрывал ввод сам, потому что некому было следить за краном. Теперь из-под ворот текло, хотя до начала выдачи оставалось три минуты.

Он переложил инструментальную сумку в другую руку и толкнул калитку. Та упёрлась в поставленный изнутри кирпич. Пришлось просунуть руку между досками, отодвинуть его и протиснуться боком. За девять месяцев без электричества люди научились беречь даже то, что раньше запиралось только от собак.

Во дворе возле летней кухни лежал зелёный шланг. Его конец был стянут проволокой; вода выходила из трещины и била в стенку опрокинутого таза. Кран на вводе оказался открытым.

Илья закрутил его. Старая рукоятка пошла туго, под пальцами хрустнула краска. Когда струя оборвалась, за воротами раздался голос:

— Если нашёл запасной водопровод, скажи. Я никому, кроме своей улицы.

Антон Гордеев держал за руль велосипед, к багажнику которого были привязаны две одинаковые канистры. На передней висела бирка «Горючее», на задней — «Вода». По словам Антона, это давало жизни необходимую определённости.

— Кто здесь бывает? — спросил Илья.

— В пустом доме? Хочешь по людям или по животным?

— Кран открыли.

Антон прислонил велосипед к забору и вошёл. Он не стал осматривать двор, а сразу наклонился над вводом, провёл пальцем по стержню вентиля и показал Илье ржавую пыль.

— Могли вчера открыть. А могли месяц назад. Сухая ветка — никто не заметил.

— Здесь не должно быть воды раньше площади.

— Может, решила без очереди.

Из-за магазина донёсся короткий металлический удар, следом — одобрительные голоса. Началась выдача. Антон поднял велосипед, Илья прикрыл калитку и пошёл за ним, уже доставая из кармана ключ от распределительного колодца.

Возле колонки стояло человек двадцать. Тележки, детская коляска без сиденья, два корыта на ручной платформе. В дни хорошего напора здесь успевали не только набрать питьевую воду, но и обменяться новостями, поспорить о норме и договориться о дровах. Сегодня все следили за тонкой струёй, падавшей в ведро Нины Павловны.

— Еле идёт, — сказала она. — И жёлтая.

— Дайте посмотреть.

— Вот ты посмотришь, а время кончится.

Илья подставил под струю прозрачную бутылку. Вода шла рывками, оставляя на стенках мелкие пузырьки. Он поднял бутылку против неба. Ржавчина после простоя не была новостью,

но сегодня осадок кружился странно: струя то стихала, то толчком выбрасывала сразу полстакана.

— Кран пока закроем.

Нина Павловна положила ладонь на рукоятку раньше него.

— У меня полведра. Пусть набежит.

— Сейчас здесь воздух.

— Вчера был песок. Позавчера пахло. Мы что, от этого пить перестали?

Он мог отнять её руку. Но тогда весь посёлок к вечеру услышал бы, как инженер оставил старуху без воды и ещё применил силу. Илья опустил на корточки рядом с ведром.

— Полведра у вас есть. Если открытая колонка сорвёт грязь из трубы, это полведра тоже придётся вылить. Отойдите со своим, я проверю.

Она недоверчиво посмотрела на него, но ведро подняла. Следующую канистру никто подставить не успел: из крана вырвалась вода, ударила в землю и сменилась хриплым шипением. Люди отступили. У женщины с корытом струя намочила юбку.

Илья закрыл кран и поднял крышку колодца. Манометр под ней показывал давление, вполне достаточное для нормальной подачи. Стрелка дрожала возле отметки, и он слегка постучал по стеклу. Ничего не изменилось.

— В школе набирают, — сообщил Костя, появившийся между тележками. — Я оттуда. Там быстрее.

— Ты видел сам?

— Две канистры наполнили, пока я велосипед подтягивал.

Илья повернулся к очереди:

— У школьного бака выдача идёт. Эта колонка пока закрыта. Я проверю оба конца ветки.

Женщина с мокрой юбкой стала разворачивать корыто. Несколько человек последовали за ней, но Нина Павловна осталась.

— Удобно. До школы пятьсот метров, зато с горки назад. А кто мне эти вёдра понесёт?

Илья уже хотел попросить Костю, однако Антон взял её тележку сам.

— Мне как раз по пути. С вас рассказ, кого ночью обокрали. Желательно с уликами.

— Никого не обокрали. У Раи яйца пропали.

— Вот. Очень хорошо. Начнём с количества подозреваемых.

Илья дождался, пока очередь разойдётся, и прикрыл крышку. Раньше у него хватало времени на людей после ремонта. Теперь ремонт никогда не заканчивался, а люди приходили одновременно с ним.

Костя остался у колонки.

— Чего не идёшь? — спросил Илья.

— Мать уже набрала. Сказать Ларисе?

— Скажи, выдачу на площади остановили, причина выясняется. Не «вся вода кончилась».

— Я понял.

— И попроси поставить кого-нибудь здесь. Чтобы не открывали.

Костя кивнул, но не ушёл.

— Что ещё?

— А в двенадцатом доме вода есть. Из стены течёт. Я думал, ты туда идёшь.

Илья достал блокнот. Дом Беловых был шестым. Двенадцатый стоял через два двора, на той же старой ветке, которую вывели из работы весной. Он нарисовал два крестика и спросил:

— Когда увидел?

— До выдачи. В шесть тридцать примерно.

— Из стены дома или из ограды?

— Из земли возле стены. Там, где плитку подняло.

С этим уже нельзя было разобраться простукиванием манометра. Илья отправил Костю к совету, вернулся к двенадцатому дому и обнаружил в канаве ещё одну дорожку воды. Хозяева вынесли стулья из затопленного подвала и поставили на них мешки с картошкой. Мужчина, которого Илья знал по имени, но всякий раз забывал, обрадовался ему так, будто именно инженер прислал воду и мог немедленно забрать обратно.

На стене у подвального окна мокрая полоса поднялась на ладонь. Илья закрыл ввод, помог приподнять два тяжёлых мешка и только потом выбрался на улицу. К семи десяти он знал, что давление появилось на двух отключённых дворах, а школьная линия при этом работала штатно. Объяснить такую картину одной засорённой колонкой было невозможно.

У школы женщины уже уносили последние наполненные вёдра. Из большого бака выдавали через два крана, потому что третий не держал прокладку. На бетонной площадке сидела девочка с кружкой. Марина Левина, присев перед ней, рассматривала содранную коленку.

— Если ещё раз полезешь через ограду, я лечить буду вместе с оградой, — сказала она.

— Там короче.

— Я знаю. В этом и неприятность.

Она приклеила полоску ткани поверх повязки и отправила девочку к матери. На ступеньке возле медпункта стояли три закрытых бидона с белыми метками.

— Эти не трогайте, — сказала Марина Илье, проследив за его взглядом. — На сегодня и завтра.

— Я не за ними.

— Хорошо. А то всякий раз, когда что-нибудь ломается, оказывается, что у меня в запасе слишком много воды.

Он показал бутылку. Марина взяла её, повернула, поставила на край ступеньки.

— Откуда?

— Площадь. Закрыл.

— Когда?

— Через пару минут после начала.

— Сколько успели набрать?

— Одно ведро, неполное. Нина Павловна.

— Ей сказали не пить?

Илья вспомнил, что говорил о грязи и воздухе, но не сказал прямого «не пить». Нина Павловна ушла с ведром. Антон мог помочь ей донести его домой.

— Нет. Сейчас найду.

Марина подозвала мальчишку у ограды, объяснила, где живёт Нина Павловна, и попросила передать, что придёт сама. Илья не стал возражать. В прошлый раз, когда он решил сначала закончить ремонт, а потом объяснить ограничение, полпосёлка уже использовало воду для еды.

— Внешне школьная лучше, — сказал он. — Но я хочу посмотреть бак и подачу.

— Внешне очень многие вещи лучше, чем на самом деле. Пробу возьмёшь в чистую бутылку? У тебя эта из-под чего?

— Из-под воды.

— Из-под вчерашней воды. Подожди.

Она принесла две подготовленные ёмкости, подписала крышки и отдала ему. На её большом пальце засох йод. После катастрофы Марина перевезла медпункт в два школьных кабинета; в одном принимала, во втором жила. Илья несколько раз помогал ей чинить печь и однажды почти предложил перебраться к нему, но так и не придумал фразы, которая не звучала бы предложением ещё одного ремонта.

Он обошёл бак. Прежде школьный накопитель заполнялся сверху по северной магистрали. У нижней стенки был старый ввод с юга, закрытый после остановки фабрики. Он сам пометил его на схеме как нерабочий.

Северная труба оказалась тихой. На южной чувствовалась слабая ровная вибрация.

Илья приложил к металлу короткую отвёртку и наклонился, прижав рукоятку к уху. Шум воды был отчётливый. Затем он проверил положение двух доступных вентилей. Верхний остался открытым; нижний, который они считали закрытым, тоже был открыт. Вентиль стоял за оградой, и добраться до него можно было, подняв крышку узкого служебного приямка. На крышке сохранилась его весенняя отметка. Мел выпвел, но никаких следов вскрытия Илья сейчас не различил.

Марина пришла вслед за ним.

— Нашёл?

— Пока нашёл неправильную схему.

— Это хуже или лучше?

— Это значит, что мы проверяли не ту подачу.

Он показал ей две трубы, стараясь объяснить коротко. Марина выслушала, затем спросила, можно ли пользоваться школьной водой сегодня. Именно это ей было нужно знать, а не происхождение схемы.

— Берите из уже наполненного запаса. Пробу с ввода я оставляю отдельно. На площади не открываем до проверки.

— А завтра?

— Скажу к вечеру.

— Запишу, — сказала она, и ему не удалось понять, была ли это шутка.

К окончанию утреннего окна Илья проверил ещё две колонки. Они работали, хотя давление на самой дальней заметно снизилось. Теперь требовалось осмотреть главный накопитель. В нём держали запас для площади и нижних улиц, и именно по его уровню Илья обычно оценивал, что пришло с северной станции.

Бак стоял за бывшей прачечной, на четырёх бетонных опорах. Прачечную разобрали на дрова не полностью: уцелели кирпичная печь, несущие стены и вывеска с обещанием экспресс-услуг. Антон говорил, что вывеску надо перенести в мастерскую, поскольку обещать срочность они ещё могли.

Возле одной опоры лежали осколки раствора. Вчера Илья их не видел. Он провёл пальцем по стыку, поднял голову и заметил на металлическом корпусе свежую светлую полосу у крепления. Бак чуть сместился. На глаз это было почти незаметно, но нижняя труба, жёстко соединённая с основанием, стояла теперь под углом.

Он сел на край низкой стенки. Утро становилось жарким; из-за прачечной донёсся глухой стук топора. Кто-то раскалывал древесину, не подозревая, что в десяти метрах от него стояла тяжёлая ёмкость с ненадёжной опорой.

Проверку можно было сделать наспех и назвать локальной просадкой. В прошлом месяце подмыло край площадки после сильного дождя. Подушка под бетонной тумбой могла осесть. Ремонтники подложили бы опору, отвели воду, и выдача вечером состоялась бы.

Но вчерашней отметки уровня у Илья не было. И он не мог знать, двигался ли бак сейчас. Пришлось идти к Ларисе.

Совет занимал бухгалтерию старого магазина. На столе рядом с весами стояли папки, бутылка с карандашами и блюдо с сухими яблочными ломтиками. Лариса Белова составляла список выдачи муки. Она подняла глаза только после того, как Илья закрыл дверь.

— Костя сказал про колонку. На вечер откроешь?

— Главный бак надо разгрузить. Опора сдвинулась.

Лариса отложила карандаш.

— Насколько?

— Я пока не измерил. Корпус ушёл, трубу потянуло. До проверки полный держать не будем.

— Там сколько?

— По утренней отметке около двадцати кубов.

— То есть ты сейчас выльешь двадцать тонн?

— Хочу раздать часть по ёмкостям. Остальное оставить ниже опасного уровня.

— Ниже какого?

Он раздражённо выдохнул, и Лариса подняла ладонь.

— Не надо на меня смотреть так, будто я мешаю тебе с гаечным ключом. Через час сюда придут люди. Я им должна сказать, сколько получают, где и кто принесёт старикам. А не «у нас инженеру не нравится бак».

Она говорила ровно. От этого возразить было труднее.

Илья поставил сумку на пол и попросил лист. За десять минут они составили временный порядок: открыть площадку у прачечной под присмотром ремонтника, сначала наполнить медпункту ёмкости и дать запас домам, которые остались без колонки, потом раздать по списку. Выше определённой отметки бак до проверки не заполнять. Лариса потребовала, чтобы отметку он нанёс сам и оставил рядом человека, который мог её увидеть.

— Ещё, — сказал Илья, когда она уже потянулась к своей папке. — У Беловых на шестом вода во дворе. Я закрыл кран.

— У моих?

— Да.

— Мама просила Костю вчера открыть. Она собиралась мыть кухню, а потом рейс в Каменку перенесли. Ты не думай, туда никто тайком не заселился.

Илья почувствовал, как легко было бы построить из этого крана лишнюю загадку. Он вычеркнул из блокнота знак вопроса возле шестого дома.

— Открыли ваш, потекло и в двенадцатом. На нерабочей ветке. Вот это мне надо понять. Лариса наклонилась над схемой.

— А если там теперь рабочая?

— Тогда кто-то должен был нам сказать.

— Может, кому-то и сказал. До зимы здесь сменились три совета. У нас половина документов подписана людьми, которых уже не найти.

Она не оправдывала неизвестную службу. Просто предлагала ещё одну причину, которую он пока не проверил.

У бака Илья застал Антона. Тот уже осматривал опору: Марина отправила его сюда, когда услышала про резервуар.

— Сам уполз или мы ему помогли? — спросил механик.

— Не знаю. Нужен уровень.

— В мастерской есть. Только рейка у Веры.

— У какой Веры?

— Со связи. Карту рисует. Если спросишь, когда вернёт, прочтёт тебе лекцию, чем карта отличается от рисунка.

— Достанешь?

Антон выпрямился и вытер руки ветошью.

— Достану. Ты мне другое скажи: почему с юга течёт?

Илья показал схему. Вчера она ещё представлялась ему достаточно полной: восстановленные участки, известные повреждения, места отбора. Теперь он видел на ней длинную тупиковую линию, обозначенную сухой, и две точки, где эта линия давала воду.

— Нужно ехать к коллектору, — сказал он. — Но сначала разгрузим бак.

Антон молча забрал лист с временным порядком выдачи. По площадке уже шли первые жители с ёмкостями. Лариса прислала двух помощников; Нина Павловна оказалась среди них и немедленно установила очередь, хотя никто её не назначал.

— Ты сюда с вёдрами? — спросила она у мужчины, тащившего деревянную бочку. — Сначала к Ларисе. Здесь не ярмарка.

Костя держал мел и ждал, куда ставить отметку. Илья измерил уровень, сделал пометку на шкале и объяснил Антону временное ограничение. Воду начали сливать через нижний кран. Нагрузка уменьшалась; площадка стала мокрой, воздух пах пылью и нагретым железом.

Илья записал время возле трещины на опоре. Потом провёл карандашом тонкую черту поперёк неё, чтобы завтра увидеть изменение.

Его записи обычно начинались с неисправного узла и заканчивались заменённой деталью. Сегодня в блокноте были два разных задания: выяснить, откуда приходит вода, и понять, почему под её запасом движется бетон. Пока он не видел между ними связи.

Он застегнул сумку и попросил Антона готовить машину.

Глава 2

УАЗ завёлся только после того, как Антон открыл капот и сердито объявил, что дальнейшее обсуждение отменяется. Илья не знал, помогло заявление или подтянутая клемма, но двигатель наконец удержал обороты. У машины была белая правая дверь, зелёный кузов и серый капот. Антон утверждал, что такое разнообразие облегчает поиск на стоянке.

На сиденье лежала деревянная линейка с засечками. Илья убрал её на заднее место рядом с инструментами.

— Сколько топлива? — спросил он.

— Хватит съездить к коллектору и обратно. Если ты снова захочешь «ещё совсем немного», обсудим пешком.

— До павильона, если линия работает, тоже надо будет.

— Вот и началось.

Антон достал из нагрудного кармана сложенную записку. На ней Лариса перечислила разрешённые поездки на ближайшие дни: Каменка, подвоз дров, медпункт. Сегодняшнего коллектора в списке не было.

— Я взял из ремонтного резерва, — сказал он. — Потом ты ей объяснишь, что это был ремонт.

— Она знает.

— Знать и подписать — у Ларисы два отдельных удовольствия.

Они выехали на старую технологическую дорогу. У последнего жилого дома женщина в переднике подметала ступени так основательно, будто ждала гостей. Через улицу стоял дом с провалившейся крышей. Илья помнил, как зимой его хозяин обижался на предложение переехать к родственникам: утверждал, что дымоход ещё протянет. В феврале дымоход упал, пробив перекрытие, и теперь хозяин жил у родственников, а его дрова пришлось выкапывать из-под кирпича.

Снаружи Береговое не казалось погибшим. Часть огородов была обработана, над крышами поднимался дым, на верёвках сушились простыни. Но стоило отойти от жилых улиц, начиналось то, на что у людей больше не хватало сил. Канавы у дороги заросли выше пояса, электрический провод висел над кустами, бывшая автобусная остановка служила складом досок.

— Вера вчера приходила за уровнем, — сказал Антон. — Так что скоро измерим. Сегодня она в южном секторе.

— На связи?

— На местности. Хочет обход нанести, где мост смыло. Я ей говорил: наноси, только новый мост от этого не появится.

— Полезно знать, где его нет.

— А она мне именно это и ответила. Думаете вы с ней одинаково. Нехороший признак.

Около полутора километров дорога шла по сухому гребню, потом спускалась к коллектору. Антон объехал промоину, остановился возле съехавшего в канаву бетонного столбика и вышел проверить колею. Илья тоже выбрался из машины. На обочине лежала сухая грязь, растрескавшаяся широкими пластинами.

На глаз это было обычное последствие паводка. Илья всё же отметил столбик на схеме: если линия проходила рядом, участок стоило осмотреть отдельно.

— Всё записываешь? — спросил Антон, возвращаясь.

— Чтобы второй раз не ехать искать.

— Один раз я видел, как ты записал, где оставил блокнот. С тех пор не спорю.

Коллектор стоял внизу, у стены закрытой мебельной фабрики. Прямоугольный бетонный домик с металлической дверью и двумя вентиляционными грибками на крыше. Зимой здесь хранили снятые вентили, а весной вывезли пригодные детали в мастерскую. Илья был уверен, что с тех пор павильоном никто не пользовался.

Возле двери рос лопух. Несколько стеблей лежали примятыми, и на сухой земле сохранился протектор. Антон присел, потрогал след, затем прошёл к боковой стене.

— Колёса тут были. Не сегодня. Может, несколько дней назад.

— Наши?

— У нас передние лысые, задние в клетку. Здесь оба рисунка одинаковые. Если это мы, машину во сне переобули.

Замок выглядел целым. Илья вставил ключ, сдвинул дужку и вдруг вспомнил, что запасной комплект оставляли ещё заводской охране. Охраны давно не было, но ключи могли остаться у кого угодно. Он не стал делать из замка доказательство.

Внутри пахло мокрым железом. На полу стояли две старые задвижки, которыми они пожертвовали при разборке сети; за ними в сумраке поднималась служебная площадка. Илья открыл наружную дверь шире, чтобы не работать при единственном фонаре. Антон прислонил к косяку обломок кирпича.

Из большой трубы доносился низкий ровный шум.

— Работает, — сказал механик.

Илья уже подходил к главному затвору. Весной он повернул маховик до закрытого положения и привязал к нему кусок красной ткани. Теперь ткань лежала на площадке, а шток показывал открытие. На гайке сальника была свежая смазка.

Антон поднял тряпку за уголок.

— Кто-то нашу сигнализацию отключил.

— Сигнализации не было. Просто метка.

— У нас всё просто метка, пока не выясняется, что ей надо было охранять полпосёлка.

Они проверили доступные соединения. Два болта заменили, на фланце виднелась новая прокладка. Работу сделали аккуратно: лишний материал не торчал, ключом не разбили грани. На боковом отводе вместо старого заглушённого штуцера стоял исправный прибор. Стекло было чистым, и показание не отличалось от того, которое Илья получил своим переносным манометром после проверки подключения.

Это уже исключало каприз одного прибора. Но направление подачи следовало установить по схеме и положению перемычек, а не по шуму в трубе.

Илья развернул заводской лист на деревянном ящике. Бумагу ламинировали ещё до катастрофы; один угол расслоился. Коллектор соединял три линии. Северная шла к старому водозабору, западная — в Береговое, южная — на фабричный участок. Через перемычку техническую воду когда-то направляли к прачечной и школе, но после закрытия производства этот режим исключили.

Теперь северный затвор был закрыт, западный и южный — открыты. На общей перемычке отсутствовал ограничительный упор, оставленный при консервации.

Илья дважды сверил номера. Ошибка в обращении с подобным узлом могла оставить без воды весь посёлок, а возвращать режим было бы уже нечем.

— С юга, — сказал он наконец. — Весной тут было сухо. Сейчас оттуда заполняют оба бака. На площади часть старой линии открылась, воздух в тупике пошёл через колонку.

— Из-за Беловых?

— Их кран только показал, что в ветке есть вода. Переключение сделал кто-то здесь.

Антон поднялся на площадку, посветил вдоль трубы и спустился.

— Может, старое предприятие запустили? Скважину одну. О фабрике все знают, туда никто не ходит.

Версия была вполне разумной. Если бы после девяти месяцев кто-то восстановил промышленный водозабор, скрытность могла объясняться страхом перед соседями. Однако действующее оборудование нуждалось в электричестве, которое требовалось откуда-то получать, и в людях, которые смогли обслужить насосы. Ни о том, ни о другом Илья не слышал.

Он зарисовал нынешнее положение арматуры. Антон смотрел на маховик.

— Закроем, чтоб увидеть, куда перестанет идти?

— Нет.

— Не предлагаю. Спрашиваю.

— Мы не знаем, что на другом конце. И школьный бак ещё наполняется.

Антон кивнул. У него было привычное выражение человека, которому хотелось сначала разобрать вещь и уже по деталям понять, что она такое. Но он не стал спорить, убрал ключ в сумку и принялся искать место утечки у нижнего фланца.

Вода сочилась через старое соединение. Это можно было поправить, однако после сдвига трубы подтяжка болтов могла ухудшить положение. Илья проверил опоры, записал, что соединение пока не трогали, и оставил на площадке короткую записку под тяжёлой шайбой: дата, имя, замеченный дефект, просьба согласовать дальнейшие переключения с Береговым.

— Теперь он узнает, что мы здесь были, — сказал Антон.

— Здесь не тайник. Рабочая сеть.

— Ты очень оптимистично веришь в назначение сооружений.

Они закрыли павильон своим замком и поехали дальше. За фабрикой дорога сужалась. УАЗ медленно переваливался через корни, затем упёрся в поваленную берёзу. Её ствол распилили на две части, но с дороги убрать не успели. Свежий торец ещё не потемнел.

Антон выключил двигатель.

— Вот они и есть. Работали здесь. Дальше пешком.

— Топор возьмём?

— Если только ты решил убедить дерево добровольно сотрудничать. Пила в машине, потом заберём. Сейчас не будем тратить силы.

До конечного павильона оставалось около семисот метров. Илья раньше приезжал к нему с другой стороны, по служебному проезду, который весной размывло. Сегодня они шли вдоль промышленных складов. У одного рухнули ворота; внутри виднелись пачки сгнившей упаковки и тележка без колёс. Дверь соседнего была плотно закрыта.

Антон заметил на ней мелкие белые кресты.

— Люди отмечали осмотренное.

— Наши?

— Наши пишут, чего там нет. Тут какой-то другой учёт.

Илья не стал задерживаться. Запасной источник мог находиться где угодно среди складов, но сперва следовало проверить, действительно ли фабричная ветка заканчивалась там, где обозначено.

Павильон оказался низким, наполовину засыпанным грунтом. Дверь выходила на склон; над ней торчала стальная рама от козырька. На стене были остатки надписи «Резерв». Замок здесь не совпадал с их ключом, зато нижний край двери стоял над полом: осенью Илья заглядывал через эту щель и видел тупиковую камеру со старой арматурой.

Теперь из щели тянуло прохладой. На склоне перед входом росли две узкие полосы свежей травы там, где кто-то недавно срезал кусты.

— В прошлый раз ты сюда входил? — спросил Антон.

— Нет. Посмотрел, нашёл глухой конец. С заводским листом совпало.

— Глухой конец у кого? У трубы или у твоей возможности посмотреть?

Илья потянул фонарь из сумки. Он помнил тот осмотр достаточно хорошо, чтобы почувствовать неприятную тяжесть: тогда возвращались к вечеру, шёл дождь, машина ждала у объ-

езда. Плотная закрытая дверь стала удобной границей работы. Он отметил павильон как проверенный и больше к нему не возвращался.

— У моей возможности, — сказал он.

Антон не ответил. Присел рядом и наклонил зеркальце, которое держал в футляре от очков. Луч фонаря прошёл через щель, отразился и выхватил угол трубы за дальней стенкой. Илья увидел старый фланец, заглушку и рядом второй отвод, почти полностью спрятанный в бетонном коробе. Его не было на заводском плане.

— Сюда, — сказал Антон, двигая зеркало. — Видишь? Свежая краска на соединении.

Дальше отвод исчезал за стеной. Этого было мало для полной схемы, но достаточно, чтобы признать прежнюю отметку неверной.

— Не ломаем? — спросил механик.

— Сначала снаружи посмотрим.

За павильоном начинался склон с густым орешником. Илья обошёл здание, раздвинул ветви и обнаружил служебную тропу. Она тянулась поперёк склона к небольшой бетонной плите. Из-под плиты выходила кабельная труба, а рядом стоял геодезический столбик с металлической головкой.

У столбика сидела женщина и записывала что-то в планшет. Деревянная рейка лежала на траве. Услышав шаги, женщина подняла голову, а затем быстро прикрыла лист рукой.

— Снизу не подходите, — сказала она. — Там край осыпался.

Антон остановился.

— Вера. Вот ты где. Уровень нужен.

— Я его внизу оставила, у кладки. К вечеру занесу.

— Раньше надо. Бак у прачечной поехал.

Она убрала планшет в чехол и встала. Илья видел её несколько раз у радиорубки, но не разговаривал. Вера была ниже его ростом, в светлой рубашке с зашитыми локтями; на запястье держалось тонкое колечко от карандаша. Её первым движением было проверить, закрыт ли чехол.

— Насколько поехал?

— Пока нет сравнимой отметки. Есть сдвиг крепления и трещина опоры.

— Кто смотрел?

— Мы оба.

Вера кивнула и подняла рейку.

— Тогда давайте до машины. Я помогу проверить.

Илья указал на столбик:

— Это фабричная съёмка?

— Возможно.

Ответ был слишком осторожным для человека, который сидел возле метки с рабочим планшетом.

— Ты сюда по мосту ходишь? — спросил Антон.

— Сегодня хотела пройти верхом. На карте был служебный выход.

— Чьей карте? — спросил Илья.

Вера поправила ремень чехла.

— Старой. Мне дали раньше.

Он мог настоять, но они ещё даже не представились. Илья назвал себя, объяснил сегодняшнюю аварию и коротко рассказал о коллекторе. После слов о южной подаче Вера перестала смотреть на Антона.

— Вы открывали что-нибудь?

— Ничего. Зафиксировали режим.

— Хорошо.

— Почему хорошо?

— Потому что не знаете, куда это идёт.

Это могло быть обычной профессиональной осторожностью. Илья удержался от следующего вопроса и попросил показать безопасный спуск. Она повела их по тропе в обход осыпавшегося края. Внизу под деревьями стоял нивелир, накрытый тканью. Вера разобрала треногу, завернула прибор в чехол и отдала Антону нести.

По дороге к машине она расспросила Илью о времени появления давления и о том, сохранялась ли подача после остановки выдачи. Её интересовали конкретные минуты, а не слухи о том, кто восстановил фабрику. Илья тоже запомнил это.

У берёзы Антон положил прибор на сиденье, достал пилу и предложил сначала убрать ствол. Вера взялась за второй конец, Илья расчищал мелкие ветви. Работа заняла двадцать минут. Когда проход освободился, механик оттащил последний чурбак к обочине и сел на него передохнуть.

— Теперь они, если вернутся, проедут свободно, — сказала Вера.

— Кто они? — спросил Антон.

— Те, кто ремонтировал коллектор.

— А может, мы. Завтра.

Она кивнула, но не улыбнулась.

Обратный путь занял больше времени: Антон вёз прибор бережнее пассажиров. На повороте у коллектора Вера попросила остановить. Она вышла и отступила к краю дороги, откуда павильон был виден между кустами.

— Снимок? — спросил Илья.

— Не на что. Просто место проверяю.

Она достала бумажный лист из чехла, свернула его так, чтобы остался небольшой квадрат с линиями, и сравнила с местностью. Илья увидел условный знак павильона и номер, начинавшийся с буквы «Г». Затем лист исчез.

Возле главного бака их ждали Костя и Антонова помощница из мастерской. Раздачу уже закончили. Нина Павловна оставила на ступеньке список наполненных ёмкостей, сверху придавила его плоским камнем.

Вера поставила прибор на устойчивом участке, попросила Илью держать рейку и объяснила, какие точки сравнят. Она не называла движения грунта, только высоты разных частей площадки. Антон отметил положение креплений. Уровень воды опустили; сдвиг корпуса сохранился.

— Сегодняшний промер будет исходным, — сказала Вера. — По нему ещё нельзя сказать, куда что движется.

— Старые отметки есть? — спросил Илья.

— У школы. Надо привязать к ним. Я утром смогу.

Он посмотрел на чехол с её бумагами.

— И карту южного сектора возьми. Нам там дальше идти.

Вера сложила треногу. Она явно собиралась отказать, однако Антон протянул ей карандаш, забытый на борту бака, и заговорил о том, где оставить прибор на ночь. Разговор стал обычным, рабочим. Илья больше не давил.

Уже у ворот Вера остановилась.

— Карта не моя. Сестра делала.

— Она здесь?

— Нет. С ноября нет.

Вера произнесла это без привычного «пропала» и без просьбы о сочувствии. Илья подумал, что вопросы о карте для неё могли означать совсем другое, чем для него.

— Если на листе есть продолжение линии, я хочу проверить его, — сказал он. — Не заберу. Посмотрим вместе.

— Я принесу вечером.

Он предложил встретиться у совета, где был большой стол. Вера согласилась и ушла к радиорубке. Антон провожал её взглядом, затем поправил под колесом УАЗа небольшой камень.

— Ты с ней аккуратнее, — сказал он. — Мы поехали воду искать. Она не воду ищет.

Илья сел на край площадки и развернул сегодняшнюю схему. На ней было слишком мало для ответа, но достаточно, чтобы больше не писать на южной ветке слово «сухая». Он зачеркнул его и оставил белое место.

Глава 3

Вечером воды на площади не было по вполне известной причине: Илья сам остановил выдачу из главного бака. Две другие колонки открыли, но очередь у них удлинилась, и к совету потянулись люди, которых не интересовало, с какой стороны приходило давление. Они хотели знать, успеют ли набрать до закрытия.

Лариса вынесла стол к дверям магазина. На нём лежали список раздачи у прачечной, журнал запаса и кусок доски, который она собиралась использовать для нового объявления. Илья пришёл с промером опор; Антон принёс повреждённый крепёжный болт из своего ящика, чтобы людям было на что смотреть, хотя к баку этот болт отношения не имел.

— Не показывай его, — сказал Илья.

— Я его для столешницы взял. Здесь ножка шатается.

Антон подsunул железку под короткую ножку. Стол перестал качаться. Лариса кивнула ему, затем повернулась к собравшимся.

— На сегодняшнюю выдачу воды хватит. На площади не открываем. Тем, кто не может дойти до школьного бака, отвезём по списку. Теперь вопросы по порядку.

Порядок продержался до второго вопроса.

— У них во дворах течёт, а мы очередь стоим!

— У кого — у них? — спросила Лариса.

— На Заводской. Там весь день вода.

Илья пояснил, что два ввода закрыли ещё утром. Мужчина с Заводской подтвердил: во дворе у него оставалась лужа, пить из неё он никому не предлагал. На какое-то время разговор утих.

Нина Павловна подошла со списком.

— Вот что вы дали. Двадцать семь дворов получили. И Марине отвезли. А Раиса одна живёт, ей кто завтра понесёт?

— Костя понесёт, — сказала Лариса.

— Я понесу, — одновременно сказал Костя.

— А если он заболит?

Лариса посмотрела на Илью, и он впервые понял, зачем она требовала утром фамилии людей, а не только схему выдачи. При исправной колонке Нина Павловна дошла бы сама. При закрытой каждое ведро превращалось в чьё-то отдельное обязательство.

— Завтра сделаем тележку на нижние улицы, — сказал Антон. — Два рейса. Если список сейчас отдадите, не будете по жаре бегать.

— Тележка сколько возьмёт?

— Сколько вы мне разрешите в неё поставить. Только бочки без крышек не приносите.

Несколько человек заговорили о ёмкостях. Илья воспользовался паузой и попросил всех посмотреть на бак возле прачечной. Из магазина его было не видно, поэтому пришлось словами объяснять сместившееся крепление, уменьшенный запас и проверку высот.

— Если тумба пошла, подлейте бетона, — предложил один из старших. — Там мешки в гараже лежат.

— Надо понять, на чём тумба стоит. Сверху подливать сейчас нельзя.

— Девять месяцев всё нельзя.

Сказано было без злобы, и Илья не нашёл, что возразить. Он тоже девять месяцев жил среди временных ограничений, но в отличие от этого человека видел каждое из них отдельной технической задачей.

— Завтра повторим измерение, — сказал он. — Если положение не меняется, поставим временную поддержку. До этого не заполняем выше отметки. Сам бак пока не трогаем и к опорам не подходим.

Лариса записала срок. Затем спросила, как связан бак с поездкой на юг.

Илья ответил, что пока никак. Рассказал об открытой линии и обслуженном коллекторе. Он ожидал вопросов о неизвестных ремонтниках, однако первой заговорила женщина, помогавшая у школьной выдачи:

— Если они делают воду, почему мы до них раньше не дошли? Нам бы детали попросить.

— Не нашли, где они работают, — сказал Илья.

— А завод что, мимо нас всё это время жил? Мы тут подшипники из стиральных машин снимаем.

Антон поднял руку:

— Завод ещё никто не видел. Видели ремонт на трубе. Между этими двумя открытиями, поверьте, большая разница.

— Но люди есть?

— Кто-то болты менял. Болты сами не меняются, я проверял.

Теперь посыпались разные версии. Военные, заводские начальники, снабженцы с Каменки. Кто-то вспомнил шум двигателя по ночам, кто-то сообщил о свете за лесом, который оказался огнём обычной печи. Лариса выслушала несколько минут и вернула разговор к выдаче.

Когда люди наконец разошлись, Илья чувствовал себя так, будто ещё раз прошёл весь южный склон, таща на спине не прибор, а объяснения.

— Ты уверен, что северная станция не работает? — спросила Лариса, убирая листы.

— Северный затвор в коллекторе закрыт. В баках подача идёт по южным вводам.

— Значит, завтра не отправляем людей на старый водозабор?

— Пока нет. Нужно искать нынешний источник.

— Только не устраивайте экспедицию на неделю. Здесь тоже работа.

— Я понимаю.

— Пока нет, — сказала она устало. — Ты понимаешь, что надо найти. А я сегодня выяснила, что нижние улицы без колонки не успевают за вечер. И с такой нормой медпункт через три дня начнёт брать общий запас. Вот это нам надо понять вместе.

Он хотел напомнить, что именно из-за медпункта уменьшили риск на баке, но Лариса уже уходила к себе, унося журнал. Илья поднял стол с одной стороны; Антон вынул болт, сложил его в карман и помог занести стол внутрь.

Марина ждала у школьной ограды. Она держала на локте лёгкую кофту и, судя по выражению лица, давно решила, что ожидание не будет засчитано ему как уважительная причина.

— Нина Павловна вылила утреннюю воду, — сказала она. — Очень выразительно. На глазах у меня, как будто я её отобрала.

— Спасибо.

— Это не отчёт. Я хотела тебе сказать: в следующий раз предупреждай сразу, даже если ещё не нашёл причину.

— Буду.

Она посмотрела внимательнее, видимо ожидая привычной оговорки. Илья не добавил её.

В классе, где Марина принимала, пахло кипячёной тканью. На подоконнике лежали маленькие мыльные обломки; рядом стояли две банки, подписанные «Чистое» и «Использованное». Для знакомого Ильи медицинского помещения это было слишком много ручного учёта. Но другого у Марины не оставалось.

Она показала ведро под умывальником.

— За день вот столько грязной воды. Большая часть после рук. Уменьшу мытьё — получу совсем другую очередь, и ты её ведром не исправишь.

— Лариса уже сказала.

— Лариса считает общий запас. Я хочу, чтобы ты увидел расход. Когда ты говоришь «сократим вдвое», ты представляешь себе половину трубы. А здесь это будет выбор, кому сменить повязку сегодня, а кому утром.

Он стоял возле стола, на котором обычно сидели школьники. Одно имя было вырезано на крышке рядом с чернильным пятном. Вспомнился больничный коридор до катастрофы, человек с планшетом у закрытой двери и слишком уверенное собственное объяснение: временное переключение не повлияет на критические потребности.

Тогда влияние выяснилось через сорок минут. Его расчёт обеспечивал расход по зданию, но не давление на верхних этажах. Ответственные люди подписали согласование, а он сделал из их подписей доказательство, что всё необходимое учтено.

— Я не буду сейчас обещать сокращение, — сказал Илья. — Сначала разберём по ёмкостям, что есть. Завтра скажу, сколько реально перенесём.

Марина подвинула ему стул. Это было неожиданно приятнее, чем согласие.

Они посчитали запас медпункта, места для дополнительных бидонов и доставку. Илья предложил поставить закрытую ёмкость у входа; Марина попросила сначала вымыть и проверить ту, что осталась от кухни. Он записал это в блокнот, на отдельной странице от схемы коллектора.

— Съел что-нибудь? — спросила она, когда лист был заполнен.

Илья вспомнил утренний кусок хлеба и не стал уточнять.

Марина развернула ткань на краю стола. В ней лежали две небольшие лепёшки. Одну она оставила себе, вторую положила перед ним.

— Это не лечебная процедура, — предупредила она. — Можешь не объяснять состав.

Он ел медленно, чувствуя, как возвращается способность думать без злости. Марина рассказывала о девочке, которая пришла с коленкой, а потом пыталась выпросить у неё пустую стеклянную банку для жука. В разговоре впервые за день не требовалось назначить срок.

В дверь постучали. Вера стояла с чехлом в руках; за ней виднелся Костя, которому, похоже, удалось выполнить все поручения и теперь хотелось получить новое.

— У совета темно, — сказала Вера. — Мне сказали, вы здесь.

Марина освободила стол. Костя остался у двери.

Вера развернула два листа. Один был обычной районной схемой, на втором виднелись тонкие карандашные линии, рабочие точки и небольшие прямоугольники сооружений. Южный павильон стоял там, где они осматривали дверь. Дальше линия шла по склону и исчезала за границей листа.

— Ольга это чертила? — спросил Илья.

— Здесь её поправки. Основа чужая. Дала мне копию перед тем, как в последний раз уехать на объект.

— Когда?

— За четыре дня до больших отключений. Я тогда работала по району. Она попросила, если связь пропадёт, проверить вот эту точку, но туда зимой нельзя было пройти. Потом мост унесло. Я ходила с той стороны, не нашла подъезда. Сегодня решила сверху.

— Что за объект?

— Она называла резервным узлом. Говорила, что подробности не для районной связи. Я думала, очередная подготовка к аварийным учениям.

Вера прижала пальцем угол бумаги. Там стоял небольшой прямоугольный штамп; название было частично стёрто стигбом. Илья наклонился, прочёл «Горизонт» и номер листа. Обозначение ничего ему не говорило.

— Ты писала туда?

— Я выходила на её рабочий номер, пока сеть держалась. После — на все частоты, которые у меня были. Отвечали чужие люди, потом перестали. На этом листе нет рабочей частоты. Только точки.

Марина села возле окна. Костя наконец тихо прикрыл дверь, оставаясь внутри.

— Может, она эвакуировалась? — спросил Илья.

— Может. Я понимаю, что могла. У нас была договорённость: сообщить через Каменку, если придётся уезжать. Оттуда никто не получал.

Вера говорила с досадой человека, которому подобный вопрос задавали уже много раз. Илья перестал перебирать вслух очевидные варианты.

На карте было четыре контрольные точки. Первую Вера нашла сегодня возле павильона. Вторую обозначили на низкой террасе, недалеко от старого колодца у фабричного проезда. Третья стояла в стороне от водовода; четвёртая попадала за край районной основы. На обороте листа Ольга оставила ряд высот и дату промера, но без пояснений, какую съёмку выполняла.

Илья проследил линию от коллектора. Она продолжалась там, где заводская схема показывала конец. Если копия была верной, старый лист мог служить лишь схемой фабрики, а вовсе не всей сети.

— Я сам превратил его в полную карту, — сказал он.

Вера не отвела пальца от точки.

— Это часто делают. У листа край выглядит убедительнее, чем на местности.

Они договорились утром сначала привязать площадку бака к школьному реперу, затем пройти к контрольной точке. Илья хотел забрать карту, но остановился на просьбе срисовать нужный участок. Вера дала ему чистый лист.

— Я пойду с вами, — сказала она.

— Я и не предлагаю без тебя.

— Тогда в семь. Прибор уже у Антона.

Костя попросился тоже. Илья разрешил помочь у бака, но на промышленный участок не взял: нужен был человек на тележке, а не дополнительный участник поисков. На лице Кости это отразилось как личная несправедливость.

— Ты завтра отвезёшь воду Раисе, — напомнила Марина. — Она будет рада больше, чем старый колодец.

Костя выдохнул и согласился. Вера сложила бумаги, тщательно совместив старые сгибы. Они ушли вместе, обсуждая, где взять исправные колёса для тележки.

Илья задержался, помог Марине убрать ёмкости и вынес грязную воду. Когда вернулся, она уже гасила лампу над приёмным столом.

— Если найдёте людей, сначала попроси расписание, — сказала она. — Я хочу знать, что будет с водой хотя бы на три дня.

Он обещал спросить.

Ночью Илья проснулся от собственного кашля. В комнате было душно; открытое окно пропускало запах тлеющих веток. Он вышел на кухню и выпил из кружки, оставленной возле закрытого ведра. У большинства знакомых дома стояла такая же пара: запас и то, из чего его берут. Когда-то кухня казалась ему местом, где вода была всегда.

Он не стал зажигать свет. Через стекло было видно часы на стене соседнего дома. Их давно остановили и теперь использовали как вывеску мастерской: две стрелки, замершие на без четверти пять. Илья попытался вспомнить, когда в последний раз был на старом северном водозаборе. В мае. Потом чинил поселковую сеть, проверял уровни баков, слышал чужие отчёты о том, что станция работает. Люди ездили туда разбирать повреждённую линию питания; сама подача продолжалась, и он принимал это за свидетельство, что где-то насос всё ещё крутится.

Утром следовало записать, кто и когда там был. Не ради поиска виноватого, а потому что девять месяцев оказались слишком большим сроком для одного недоказанного предположения.

В семь Вера уже ждала у школы. На ней была та же рубашка, но волосы убраны плотнее, а к чехлу пристёгнута фляга. Антон вёз прибор на велосипеде и заранее предупреждал прохожих, что если кто-нибудь позовёт его чинить печь, печь придётся тащить с собой.

Привязка заняла больше часа. Вера проверила школьную метку, поставила промежуточную точку, повторила ход обратно. Илья сначала раздражался из-за медлительности, затем увидел, что без повторения у них была бы только красивая цифра.

У бака заметного изменения со вчерашнего промера не обнаружили. Для окончательного вывода этого было мало, но можно было оставить уменьшенный запас и готовить поддержку. Антон договорился с помощницей, какие детали принести, и только после этого они пошли на юг.

На дорогу у коллектора вышли около десяти. УАЗ оставили в посёлке: топлива теперь требовалось больше для доставки воды, а пеший путь к низкой точке был короче. Вера сверяла карту с поворотами старого водоотводного канала. Антон шёл последним, неся короткий багор для проверки грунта у колодцев.

Над низкой террасой уже дрожал нагретый воздух. Между бетонными плитами росла жёсткая трава, по сухому водоотводу ползли муравьи. Илья держал свою схему свернутой: теперь было важнее смотреть под ноги.

У фабричного проезда они нашли колодец. Его металлическая крышка стояла косо, а бетонное кольцо ушло с одной стороны. Рядом тянулась старая трещина в плите, забитая землёй. Вера положила карту на сухое место.

— Вторая точка здесь, у противоположного края. Сам колодец на плане не контрольный.

Антон подцепил крышку багром. Она сдвинулась с неприятным скрежетом, и из щели пахло сыростью. Внутри было темно; с глубины слышался шум.

— Не подходите ближе, — сказал он.

Илья остановился за плитой. Фонарь выхватил часть старой скобы и воду внизу. Лестница уходила под поверхность. По плану фабрики здесь был сухой служебный колодец у законсервированной ветки.

— Сколько воды? — спросила Вера.

— Не вижу дна. И вниз не пойдём.

Она кивнула и стала искать металлическую головку контрольной точки. Та оказалась на маленьком отдельном основании, почти заросшем травой. Антон осторожно отвёл крышку в сторону, чтобы поставить временное ограждение из веток, и внезапно замер.

Из-под дальней стороны плиты высыпался песок. Сухая трещина чуть раскрылась; край вместе с кольцом опустился на несколько сантиметров. Илья схватил Веру за рукав и потянул назад. Она отступила сама, удерживая приборный чехол, а Антон оставил багор и отошёл к травяной полосе.

Глухой удар отдался под землёй. Одно кольцо село ниже; крышка накренилась и застряла на ребре. Из шахты выплеснулась вода, оставив мокрый полумесяц на бетоне.

Они стояли в нескольких метрах и молчали, пока песок перестал осыпаться. Антон первым заговорил:

— Всё. Этот путь закрыт.

Илья хотел посмотреть, куда ушла вода, но мысль задержала его на полшаге. Он только что остановил людей у бака, потому что не знал поведения опоры. Здесь незнания было больше, а цена любопытства могла оказаться мгновенной.

— Отметим обход, — сказал он. — И назад. Нужны ограждение и проверка трассы с безопасной стороны.

Вера сделала отметку на карте. Рука у неё слегка дрожала, и она прижала лист второй ладонью.

— Точка осталась, — сказала она. — Но близко ставить прибор нельзя. Сегодня от неё ничего не получим.

Антон забрал багор за выступавшую ручку, не подходя к краю, затем положил его на плечо. Рукав у локтя был мокрый.

— Ларисе теперь объяснять, что мы не только нашли воду, но и дорогу закрыли, — сказал он.

Никто не улыбнулся, и он не стал развивать шутку.

Илья ещё раз посмотрел на карту. Линия от южного павильона проходила в стороне от провалившейся шахты, но через эту же террасу. Повреждение колодца могло быть старым подмывом, водой из утечки, осевшей засыпкой. Пока нельзя было связывать его с баком или неизвестными насосами.

Зато одно стало несомненным: на участке, который они считали сухим и ненужным, текла вода. Кто-то подавал её через сооружения, состояние которых им неизвестно. Илья нарисовал на своей схеме новый знак опасного места, затем отдал Вере лист, чтобы перенести обход точно.

Возвращались они по верхней полосе, держась подальше от плит. Теперь карту не убирали.

Глава 4

Лариса прочла записку о закрытом фабричном проезде, повернула лист и спросила, где на обороте схема. Илья ещё не успел её начертить.

— Мне сейчас надо людей на обход отправлять, — сказала она. — По словам «держаться выше» их туда не отправишь.

Вера положила на стол карту и карандаш. За пять минут они нарисовали новый путь: до старой кладки, затем вверх по краю поля, мимо двух больших ив и к фабрике со стороны сухого гребня. Вера указала ориентиры, которые человек увидел бы даже в сумерках. Илья записал, какое место закрыто, и поставил свою подпись.

— Теперь понятно, — сказала Лариса. — Кто оградит?

Антон назвал двоих из мастерской. Приходилось выделять людей, которых собирались поставить под бак. Илья предложил сходить сам после обеда, но Лариса покачала головой.

— Ты пойдёшь проверять источник. У меня уже двое принесли новости, что фабрика работает и скоро даст электричество. К вечеру это превратится в обещание.

— Я электричества не обещал.

— Я знаю. Люди сами достроили. Ты им расскажи, что точно видел.

На площади висела новая доска. Вместо прежнего расписания Лариса прикрепила лист с местами выдачи и временем доставки на нижние улицы. Несколько человек стояли у него и спорили, относится ли слово «завтра» к верхней строке или ко всему объявлению.

Илья подошёл, перечитал и дописал дату. Затем коротко объяснил про обследование южной линии. На вопрос о свете ответил, что действующий водопровод не означает работающую электросеть для посёлка.

— А насос от чего крутится? — спросил мужчина с ручной тележкой.

— От питания, которое нам неизвестно. Насосов мы тоже не видели. Только подачу воды.

— Значит, где-то свет есть.

— Где-то оборудование получает энергию. Я пока не знаю, как и сколько.

Ему пришлось повторить это ещё дважды, меняя слова. В конце мужчина махнул рукой: никакой пользы от уточнения он не получил. Илья понял, что новости о скрытом заводе уже были приятнее его достоверного ответа.

На школьной площадке Антон готовил тележку. Костя укладывал под ёмкости свёрнутые тряпки, чтобы не протёрлись на стыках досок. Марина проверяла крышки. Все трое были заняты тем, что вчера появилось как несколько строк в списке.

— Возьмёшь рацию? — спросила Вера, когда Илья вернулся к ней.

— Она там достанет?

— До наших — не обещаю. Через склон местами плохо. Но можно услышать тех, кто рядом. Если у них связь не такая же мёртвая, как моя батарея.

Она повела его к радиорубке, устроенной в комнате бывшей почты. На стене ещё висели тарифы отправок; рядом кто-то приколот карту нынешних пеших маршрутов. Стол занимали две радиостанции, коробки разъёмов и толстая тетрадь. Возле окна сидел мужчина в очках и чинил провод.

Вера представила его как дежурного, передала время предполагаемого возвращения и попросила записать их маршрут. Илья сначала удивился подробности: они шли всего на несколько километров. Но после колодца возражение показалось глупым.

— Если до семи не вернёмся, сперва мастерская, — сказала Вера. — Потом Лариса. На низкий участок никого не отправляйте. Мы идём верхом.

Дежурный прочёл запись вслух, сверяя с картой. Пока Вера проверяла переносную станцию, Илья просмотрел открытый лист журнала. В нём были отметки внешних сеансов: корот-

кий ответ с Каменки, сообщение о неисправном передатчике в Рудном, несколько безрезультатных вызовов на районной частоте. Вчерашняя строка заканчивалась: «Данных о проходе северной дороги нет».

— Вне долины никто? — спросил он.

— Иногда есть, — ответил дежурный. — Только из «слышали нас» не следует «приедут завтра». Однажды приняли сообщение о топливе, потом три недели выясняли, откуда оно. Оказалось, далеко и не для нас.

Вера закрепила станцию на ремне. Илья взял флягу, фонарь и блокнот. Антон сегодня остался в Береговом: если опора бака продолжала двигаться, одного осмотра было мало, требовалась бригада. Уходя, Илья сказал ему, что возвращение рассчитывают до вечера.

— Если найдёшь начальника всех труб, спроси про прокладки, — попросил Антон. — И не рассказывай ему, что у нас они пока есть. Пусть сначала предложит.

На гребне ветер был сильнее, чем в посёлке. Вера шла быстро, выбирая старую колею, но каждые несколько минут останавливалась проверить поворот. Илья быстро понял, что это не нерешительность: с верхнего пути многие точки на листе выглядели иначе, а прямую линию через кустарник ещё предстояло превратить в безопасный маршрут.

Они миновали место утреннего провала на расстоянии. Илья увидел две человеческие фигуры у старого проезда: помощники Антона ставили ограждение. Дальше склон уходил к густому лесу; фабричные крыши скрылись за деревьями.

— Ты часто сюда ходила? — спросил он.

— В южный сектор? Четыре раза. Сюда — первый.

— Одна?

— Два раза с теми, кто искал склады. Потом с лесником. Он уехал в Каменку. Сегодня с тобой.

Вера перечислила это спокойно, без желания оправдываться. Илья посмотрел на её ноги: крепкие ботинки, штанины подвязаны у щиколоток. Подготовлена она была лучше, чем он, приехавший вчера на машине.

— Ты думал, я девять месяцев бегаю по лесу и плачу? — спросила она.

— Нет.

— Обычно так думают. Мне почти каждый, кто видит карту, объясняет, что время прошло.

— Я хотел спросить, что уже проверено.

Вера немного сбавила шаг.

— Нижняя дорога до обвала. Западный склон до каменного водосброса. Старый телефонный шкаф пустой. Склад с красной крышей разбирали наши, там никого. Верхний выход сестра нарисовала, а подпись обрезана. Сегодня хочу понять, к чему он относится.

Это был именно ответ, который ему требовался. Он записал проверенные места, пока они отдыхали возле второй пары ив. Вера пила воду маленькими глотками и смотрела на противоположный склон.

Через полчаса они нашли третий контрольный пикет. Бетонное основание стояло не на низкой террасе, а у скального выхода. На металлической пластинке сохранились номер и маленькое клеймо организации. По сравнению с фабричными сооружениями место выглядело почти ухоженным: трава вокруг скошена, деревянная рейка лежала под навесом из листа жести.

— Кто-то тоже измеряет, — сказала Вера.

Илья присел у пластинки. Она была сухой и чистой, без следов недавнего затопления. В землю рядом вбили новый деревянный колышек. На нём стояли дата месячной давности и две цифры.

— Ты понимаешь, что здесь написано?

— Могу понять только в их системе. Сами по себе цифры ничего не скажут. Нужен исходный репер и порядок промеров.

— А со старым листом сравним?

— Если убедимся, что точка та же и подпись относится к ней. Сейчас мы это ещё не сделали.

Ему нравилось, как Вера отказывалась давать удобные ответы. Одновременно именно из-за этого всё шло медленнее, чем хотелось.

От пикета в лес уходила узкая дорога. На карте Ольги её обозначили пунктиром. Вера развернула лист, проследила линию, затем указала на небольшую седловину между деревьями.

— Нам туда. Но сначала послушаем.

Она включила переносную станцию, проверила местный канал. Радиорубка Берегового не ответила. После короткого вызова Вера переместила регулятор и присела на камень, держа антенну свободно. Илья отошёл на несколько шагов: её работа требовала такой же тишины, как его прослушивание трубы.

Сначала было лишь шипение. Затем он различил мужской голос, почти утонувший в помехах. Вера подняла ладонь, велев не разговаривать, и чуть повернула станцию.

— ...нижний закрыт, — донеслось отчётливо. — Повторяю, нижним не ходить. Контроль через верхнюю площадку.

Другой голос ответил коротко. Названия не прозвучали. Первый добавил что-то о местных следах у павильона и о записке в коллекторе.

Илья посмотрел на Веру. Она уже держала карандаш над блокнотом.

Служба обнаружила их записку. Значит, кто-то посетил коллектор после них либо проверял его регулярно. Это было намного важнее любой догадки о военных.

Вера дождалась паузы, назвала себя и Береговое. Сказала, что рядом со старым фабричным проездом повреждён колодец, и попросила подтвердить приём.

Помехи усилились. Илья успел подумать, что выходить в эфир было преждевременно, но тут мужской голос спросил:

— Береговое, кто оставил лист в коллекторе?

Вера передала станцию Илье. Он назвал фамилию и должность так, как говорил до катастрофы, и внезапно почувствовал нелепость привычного «инженер водоснабжения». У него больше не было предприятия, официальной сети и даже полной схемы. Но другого определения он не нашёл.

— Вы меняли режим? — спросил голос.

— Нет. Обследовали. У вас через южную ветку идёт подача на нашу сеть. Нужна схема и согласование. У нас авария на колонке, повреждение опоры бака и теперь колодец.

Ответа некоторое время не было. Вера указала ему на камень рядом, чтобы он не ходил и не заслонял антенну телом.

— Оставайтесь у третьего пикета, — сказал голос. — Дальше по проезду не идите.

— Почему?

— Дальше закрытая площадка.

— С кем я разговариваю?

— С дежурной службой. Подтвердите, что режим не трогали.

Илья повторил. Затем спросил, можно ли ждать человека для осмотра повреждённого колодца. Голос предложил встречу на следующий день, в одиннадцать, у конечного павильона на фабричном участке.

— Мне нужен ответ по воде сегодня, — сказал Илья. — На вечер и утро.

— Подача по графику сохранится. Увеличивать отбор не надо. В колодец не спускайтесь.

— Мы не собираемся. Кто отвечает за качество?

— На встрече обсудите.

Вера протянула руку к станции, но Илья ещё держал кнопку.

— В вашей службе работает Ольга Соколова?

Он задал вопрос быстро, прежде чем успел решить, вправе ли делать это за Веру.

Помехи сменились чистым шумом. Через несколько секунд голос сообщил, что вызов принят, повторил время встречи и ушёл из эфира.

Вера забрала станцию. По лицу он понял, что поступил неправильно.

— Это мой вопрос, — сказала она.

— Я хотел...

— Понимаю. Но сначала спроси меня.

Илья кивнул. Извинение казалось маленьким по сравнению с тем, сколько она могла сейчас услышать в молчании неизвестного дежурного.

Вера проверила эфир ещё раз. Ответа не было. Затем выключила станцию и аккуратно закрепила её на ремне.

— Пойдём обратно, — сказала она. — Времени на другое уже нет.

Он посмотрел на лесную дорогу. До седловины оставалось немного, и с её края, вероятно, был бы виден следующий участок. Вчера он наверняка предложил бы дойти. Теперь там их предупредили о закрытой площадке, а снаружи ждали результата. Технической необходимости входить без согласования не было.

Они возвращались молча до ив. Потом Вера остановилась поправить ремень чехла.

— Ты думаешь, они ответят про неё?

— Не знаю. Теперь должны хотя бы понять, кого спрашиваем.

— Они и раньше понимали.

Он не стал уверять её, что всё изменится. Вместо этого предложил завтра записать вопросы заранее и решить, кто какие задаёт. Вера коротко кивнула.

На подходе к Береговому они слышали стук тележки. Костя возвращался с нижних улиц; Антон шёл рядом, придерживая пустую ёмкость. Нина Павловна завернула их список в ткань, чтобы не забрызгали. Раисе доставили воду, ещё двое жильцов отказались от вечернего рейса, зато появилась семья, которую вчера не учли.

Илья видел, как раздражение Кости сменилось деловой важностью. Он теперь знал то, чего не знали взрослые у доски объявлений: в какой двор проедут колёса, кто может поднять бидон и где нельзя оставлять воду возле открытого окна.

— Нашли? — спросил Антон.

— Связались. Встреча завтра.

— Живые люди?

— Разговаривали как живые.

Антон взял у Веры приборный чехол и отдал Косте удерживать тележку.

— Тогда хорошо. С живыми хотя бы можно поругаться. С бетонной трубой весь день ругаешься — никакого результата.

Лариса записала время встречи. Илья сообщил ей ровно то, что слышал: график подачи сохраняется, источник и качество обсудят завтра, служба просит не менять режим. Ни об Ольге, ни о закрытой площадке он не стал объявлять всем. Вера сама рассказала Ларисе, чья у неё карта, и попросила пока не делать из этого новость.

К вечеру на главном баке появилась временная поддержка, а возле колодца — ограждение и стрелка обхода. На доске у магазина Илья написал: «Служба подачи вышла на связь. Завтра встреча для согласования работ». Ему захотелось добавить, что вода поступает не со старой станции. Он добавил, потому что это уже было установлено.

Мужчина с тележкой прочёл лист, затем спросил:

— Значит, свет всё-таки есть?

Илья ответил ему так же, как утром. Теперь хотя бы было с кем выяснить, сколько этого света.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.